

Раздел 3
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
РАННЕСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА,
1917–1930-е гг.

УДК 94(47).084.3:336.02

А. С. Соколов

НАСТРОЕНИЯ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ АННУЛИРОВАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ (1918):
СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматриваются финансовые мероприятия большевиков после Революции 1917 г. Исследуются действия власти в рамках реализации декрета об аннулировании государственных займов. Анализируются настроения населения в связи с конфискационными мероприятиями большевиков в отношении ценных бумаг. Особое внимание уделяется проблеме наличия у населения элементов рыночного сознания в условиях реализации радикальной модели советского общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аннулирование займов, гражданское сознание, революция, социальная история, ценные бумаги.

Одним из направлений современной исторической науки является новая социальная история, которая применяет процессуальный подход к анализу форм социальной жизни и социальных групп сквозь призму их непрерывной интерпретации, поддержания или преобразования в практической деятельности взаимодействующих индивидов [см.: Маловичко, с. 462]. По своему статусу социальная история выступает, с одной стороны, как область исторического знания об определенной сфере исторического прошлого и прежде всего как область знаний о всевозможных конкретных сферах социальных отношений и активности людей, а с другой – как особая, ведущая форма существования современной исторической науки, построенной на междисциплинарной основе [см.: Репина, с. 68]. Этап российской истории после 1917 г. чрезвычайно интересен, в том числе с точки зрения изучения эволюции настроений различных социаль-

ных групп в связи с первыми мероприятиями большевистской власти. Первое послереволюционное десятилетие – период, чрезвычайно насыщенный драматическими событиями и фундаментальными общественными сдвигами. Можно согласиться с мнением А. Я. Лившина, что к 1917 г. гражданское общество в России находилось на начальной стадии становления, а сложившиеся внешние и внутренние условия в силу своей противоречивости блокировали этот процесс [см.: Лившин, с. 133]. Анализ различных форм апелляции к власти первых послереволюционных лет показывает, что Россия вступила в революцию с массово ощущавшимся недовольством существовавшим положением вещей и с пониманием исчерпанности ресурсов старого строя, отсутствием у него перспектив развития. При этом нельзя категорически утверждать, что настроения подавляющего большинства людей, как в городе, так и в деревне, были присущи сверхрадикализм и желание немедленно, именно здесь и именно сейчас разрушить все «до основания» и начать создавать невиданное в мировой истории общество [см.: Лившин, Орлов, с. 152].

В условиях революционных катаклизмов сохранялись островки рационализма, социальной ответственности и стремления мирно и законно отстаивать свои интересы. Убедительным подтверждением наличия в 1917–1918 гг. у части социума элементов гражданского сознания является достаточно обширный комплекс документов (писем, ходатайств, обращений во власть) в связи с конфискационными мероприятиями большевиков в отношении ценных бумаг и доходов от них. От этих действий пострадали широкие социальные слои, сотни тысяч держателей акций, облигаций, государственных и иных процентных бумаг. Активное использование правительствами России государственных кредитных операций, масштабы которых особенно возросли в годы Первой мировой войны, привело к возрастанию государственного долга. По данным «Справки о государственном долге России на 21 января 1918 г.» за период с 20 октября 1916 г. и до конца 1918 г. государственная задолженность к моменту ее аннулирования составляла 55 млрд руб. Из этой суммы долгосрочные займы составляли 39,3 %, а краткосрочные – 60,7 % [см.: История Министерства..., т. 2, с. 87]. В период Первой мировой войны наблюдалось поступательное развитие отечественных сберегательных учреждений. За период с 1 июля 1914 г. по 1 октября 1917 г. прилив новых вкладов в сберегательные кассы наличными деньгами и процентными бумагами составил 4831,8 млн руб. [см.: История Сбербанка..., с. 164]. Таким образом, до революции в России возник и быстро рос слой мелких вкладчиков.

29 декабря 1917 г. за подписями Ленина и Менжинского был принят декрет СНК о прекращении платежей и купонов по дивидендам. Он сыграл роль подготовительной меры к аннулированию государственных займов, поскольку запрещал всякую оплату купонов и любые сделки с ценными бумагами. 21 января 1918 г. Президиум ВЦИК издал декрет, в котором говорилось: «1. Все государственные займы, заключенные правительством российских помещиков и российской буржуазии... аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 г. ... 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы. 4. Краткосрочные обязательства и серии Государственного казначейства остаются в силе. Проценты по ним не уплачиваются, а самые их облигации имеют хождение наравне с кредитными билетами» [История Министерства..., т. 2, с. 91].

Таким образом, принятым актом Советская власть полностью отказывалась от какой-либо преемственности по части государственного долга. В Конституции РСФСР 1918 г. данное мероприятие выглядело «как первый удар международному банковскому капиталу» [Харченко, с. 153]. Практически сразу после издания этого декрета появились критические замечания по поводу его содержания со стороны профессиональных экономистов, которые подчеркивали, что декрет о государственном банкротстве носит не финансовый, а социально-политический характер и направлен прежде всего на экспроприацию капиталистов – держателей ценных бумаг. Однако «для всякого непредубежденного человека совершенно ясно, что от этого декрета пострадает не буржуазия, а средние слои населения, поместившие свои трудовые сбережения в займы государства, оказав последнему в тяжелые минуты отечества поддержку» [Голицын, с. 167].

Противоправные, с точки зрения нормального обыденного сознания, конфискационные действия властей вызвали целый поток апелляций «во власть». Характерно, что люди не посылали на головы властей проклятия и не угрожали взяться за оружие. Они скрупулезно анализировали опубликованные официальные документы, пытались отыскать в них противоречия и ссылались на букву соответствующих постановлений и инструкций. В Российском архиве экономики, в фонде ВСНХ, сохранился комплекс писем граждан, направленных в различные государственные структуры и лично руководителям РКП(б), с просьбой вернуть денежные средства за приобретенные до декабря 1917 г. ценные бумаги. В апреле 1918 г. директор Вологодского Александровского реального училища ходатайствовал перед культурно-просветительским отделом местного

исполкома об оказании материальной помощи беднейшим ученикам, так как все стипендиальные суммы училища были размещены в прежних государственных займах [см.: РГАЭ, ф. 3429, оп. 2, д. 84, л. 57]. Письмо дошло до наркома просвещения Луначарского, который просил ВСНХ внести на счет Наркомпроса сумму, равную аннулированному капиталу. В телеграмме из Хабаровска, направленной в Наркомат финансов, просили разъяснить, что предпринять в отношении «облигаций и военных займов 16 годов, займа Свободы», поскольку основным вкладчиком являлась беднота [см.: Там же, л. 50]. Управление делами Елизаветы Федоровны Романовой просило новую власть обеспечить выплату пенсий служившим при дворе великого князя Сергея Александровича. Пенсионный фонд в сумме 776 тыс. 50 руб., размещенный в различных облигациях внутренних займов, хранился в Петроградской конторе Госбанка, и уплата процентов по купонам была прекращена. «Прекращение выдачи пенсионерам пенсий ставит их в тяжелое материальное положение, в особенности в настоящее трудное время, большая часть которых народ нуждающийся и неработоспособный», – указывалось в письме [Там же, л. 26]. На документе имеется резолюция: «Отказать без мотивировки». В письме Кинешемского Совета, направленного в финансовый отдел ВСНХ, сообщалось, что в феврале 1917 г. брат генерала Рузского внес в кассу земства 10 тыс. руб., на которые были куплены облигации пятипроцентного военного займа. Ввиду крайней нужды земства местный Совет просил «снять аннуляцию». В просьбе было отказано [см.: Там же, л. 4]. Беспокойство относительно сбережений высказывали и трудящиеся предприятий. В письме, датированном февралем 1918 г., рабочие государственного фарфорового и стеклянного завода сообщали, что в 1916 г. они приобрели облигации $5\frac{1}{2}$ % краткосрочного военного займа на сумму 33 650 руб. Участники подписки, обеспокоенные участием внесенных ими средств, настойчиво просили выдать им бумаги либо вернуть деньги [см.: Там же, л. 88]. В большей степени проблема аннулирования ценных бумаг коснулась деревни. В одном из писем крестьянин Тульской губернии Марков жалуется, что бумаги военного займа были приобретены «из патрительства», на «нажитые своим честным и правильным трудом» деньги. Высказывалась просьба открыть под упомянутые процентные бумаги кредит для постройки дома [см.: Там же, л. 7]. В другом письме рядовой крестьянин ссылается на то, что в государственных бумагах помещены его «небольшие сбережения трудовые» (а отнюдь не эксплуататорские) [см.: Лившин, с. 146].

Общее, что объединяет данный комплекс писем – рациональность аргументов, скрупулезное описание последовательности действий просителей при обращении в различные инстанции с просьбой добиться выполнения самой же советской властью принятого закона в той его части, где говорится о смягчении грабительских правил.

Рационализм сознания порождает и рациональный дискурс: в письмах гораздо больше говорится о законе, о праве, нежели о «правде» и «справедливости» [Лившин, с. 146]. Здесь проявился гражданский протест против насилия над законом. Существенна и значима форма проявления несогласия с действиями властей и способы реализации стремления защитить свою собственность и инвестиции. По типу ценностной ориентации и содержанию ценностей, по характеру мотивации менталитет большинства авторов писем обладает набором основных признаков гражданского конституционного сознания. Здесь проявилась, отчасти, психология среднего класса, нарождавшегося в России накануне революции.

Представители большевистской власти заявляли, что они учитывают сложившуюся ситуацию и, следовательно, обязательства «Займа свободы» будут погашены. В рязанской газете «Искра» в феврале 1918 г. появилась статья, в которой говорилось, что лица, отказывающиеся принимать облигации «Займа свободы» как денежные знаки по номинальной стоимости, подлежат преданию суду и караются по всей строгости революционных законов [см.: Искра, 1918, 21 февр.]. Когда же подошло время выполнять обещания, то они заговорили о приоритете классовой борьбы. Здесь проявилось желание новой власти разорить врага, определяемого по критерию социального происхождения независимо от свойств его личности. В письме Грайворонского финотдела в уездный исполком сообщалось, что облигации «Украинские Шаги» «совершенно аннулированы ввиду того, что в подавляющем своем большинстве фальшивы», при этом интересы держателей нефальшивых облигаций принципиально упускались из виду [см.: Харченко, с. 153]. Полученные большевиками от аннулирования ценных бумаг средства были ничтожно малы по сравнению с тем убытком, который понесла Россия от Гражданской войны и интервенции.

Голицын Ю. П. Фондовый рынок дореволюционной России. М., 2010.

История Министерства финансов России : в 4 т. М., 2002. Т. 2.

История Сбербанка России (1841–1991 гг.) / под ред. А. И. Казьмина. М., 2007.

Искра (Рязань). 1918. 21 февр.

Лившин А. Я. Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. М., 2004.

Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.
Маловичко С. И. Социальная история // Теория и методология исторической науки : терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014.

РГАЭ. Ф. 3429 (ВСНХ РСФСР и ВСНХ СССР).

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XIX вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

Харченко К. В. Власть – Имущество – Человек: передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 г. М., 2000.

УДК 94(470.5).084.3:329.14

М. И. Вебер

БОРЬБА РКП(б) С ДРУГИМИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ НА УРАЛЕ в 1919–1922 гг.¹

В статье анализируются основные этапы борьбы Коммунистической партии с другими социалистическими партиями в Уральском регионе на завершающей стадии Гражданской войны и в начале нэпа. Сделан вывод о том, что к концу 1922 г. коммунистам удалось полностью разгромить местные партийные организации прочих социалистических партий на Урале.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, РКП(б), эсеры, левые эсеры, меньшевики, анархисты.

В результате Гражданской войны в России установилась однопартийная диктатура РКП(б), которая приложила максимум усилий для ликвидации в стране других социалистических партий.

В советской историографии этот вопрос затухал. Советские историки сознательно нивелировали роль Коммунистической партии в уничтожении в России многопартийности: в их работах проводилась мысль о том, что социалистические партии фактически самораспустились, утратив доверие народа.

Среди наиболее значительных научных работ советского периода, затрагивавших эту тему в общероссийском масштабе, следует отметить вышедшую в 1968 г. монографию Л. М. Спирина «Классы и партии в граж-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).